

ИСТОКИ ПРОШЛОГО КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ДИПОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ-СЛАВЯНАМИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ РАБОТЫ МАЧЕЯ ПЕЧИНСКОГО „КАК НАС ПИШУТ КИРИЛЛИЦЕЙ”

ELINA KONOVALYUK

Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

Streszczenie

Każdy naród słowiański patrzy na świat przez pryzmat ciężkich urazów i stron historii, które nie da się zapomnieć. Artykuł podejmuje problematykę postrzegania Polski przez bratnie narody i wpływu na przyszłość interpretacji konfliktów ich wspólnej pamięci historycznej. Za materiał badawczy posłużyła praca „Jak nas piszą cyrylicą” autorstwa Macieja Pieczyńskiego. Przedmiotem zainteresowania jest zdolność autora do balansowania na krawędziach sprawiedliwości historycznej. Niniejszy artykuł ma na celu określić wartość dzieła w świetle aktualnych wydarzeń, omówić autorskie refleksje na temat obrazu Polski w rosyjskich, białoruskich i ukraińskich naracjach pod względem historii jako narzędzia polityki państwowej, a także zdemaskować aspekty stronniczości w pracę Pieczyńskiego. Artykuł skupia się na zachowaniu proporcji między obiektywizmem a własnymi ocenami wartościującymi.

Słowa-kлючe: Polska, Słowianie, artykuł recenzyjny, Pieczyński.

Abstract

The origins of the past as the quintessence of diplomatic relations between brothers-Slavs. Considerations on the basis of the work by Maciej Pieczyński „How they write us in Cyrillic”

Each Slavic nation looks at the world through the prism of grave resentments and pages of history that cannot be forgotten. The article approaches the perception of Poland by fraternal nations and the impact on the future of interpreting the conflicts of their joint historic memory. The work “How to write us in Cyrillic” written by Maciej Pieczyński was used as research material. The subject of

interest is the author's ability to balance on the edges of historical justice. This article aims to determine the value of the work in the light of current events, discuss the author's reflections on the image of Poland in Russian, Belarusian and Ukrainian narrations in terms of history as a tool of state policy, and also unmask aspects of bias in Pieczynski's work. The article focuses on maintaining the proportion between objectivity and one's own value judgments.

Keywords: Poland, Slavs, review article, Pieczynski.

I. СОДЕРЖАНИЕ

«Пшеки», «ляхи», «паны»... и это не полный перечень прозвищ для представителей польской национальности от «дружественно» настроенных братьев-славян. Теперь же поляки гордо именуются в белорусских медиа «карателями», а демонизированный президент страны «зверских полицаев на границе» красуется на обложке газеты «Минская правда» в тривиальном образе Гитлера.

Тема, поднятая польским автором книги «Как о нас пишут кириллицей?» Мачеем Печинским, становится с каждым днём всё более актуальной, учитывая нависшую угрозу со стороны Беларуси (читай: России). Проблематика востока стоит остро в свете последних событий: демонстрации в Варшаве под лозунгом «Стоп пыткам на границе», обстрелы белорусским патрулем военнослужащих Войска Польского холостыми патронами, более 16-ти тысяч задержанных нелегальных мигрантов в попытке незаконного пересечения польско-белорусской границы. Есть веские доказательства того, что самопровозглашенный президент Беларуси Александр Лукашенко использует мигрантов в отместку Европейскому Союзу и с целью его дестабилизации. Но обо всём по порядку.

Книга «Как о нас пишут кириллицей?» разделена на три непропорциональных части, посвященных тому, как польский народ воспет украинцами, россиянами и белорусами. Стоит заметить, что «белорусская» часть содержит всего 38 захудалых страниц.

Дополнением к каждой из трех частей книги является фрагмент, именованный «Интервью». Поддав их анализу, можно сделать определенные выводы: как о выборе собеседников, так и о мастерстве автора в проведении бесед. Разговор Печинский ведет достаточно остро, порой конфронтационно, но и собеседников выбирает из тех, что не будут лебезить и рассыпаться мелким

бесом, что еще больше подогревает интерес к прочтению. Хотя в беседе с Франтишком Вечёрко Печиньский до того яростно вступил в полемику о территориальных притязаниях белорусов на Подляшье, что уровень его профессионализма несколько падает в глазах читателя.

Вполне ожидаемо, что с украинской стороны автор пригласил к беседе лишь тех, кто когда-то критически высказывался в адрес поляков [О. Забужко - прим. ред.] либо приверженцев националистического виденья, поющие дифирамбы Бандере (что по сути и необходимо автору). Стоит отметить различие в ведении разговоров с двумя историками и некое противопоставление. Легкие нотки неприязни к «стоящему во главе антиполонизма и глумливо размахивающему саблей искажения правды в умах поляков невеже» В. Вятровичу [и в самой книге неоднократно нелестно упомянут В. Вятрович, начиная от спора, когда же на самом деле началась «вторая польско-украинская война - прим. ред.], и более лояльное отношение к И. Ильюшину, который имеет хоть и верное, но удобное Печинскому мнение касательно симметрии нанесенной вины.

На первый взгляд может показаться, что в отличие от рассмотрения польско-украинских отношений, по части польско-российского контекста в интервью взяты под внимание разные плоскости (театр, религия, культура, а не только политика), и соответственно под разными углами происходит тщательное исследование.

Среди приглашенных россиян преобладают люди культуры – драматург, журналист, философ и даже религиозный деятель и публицист, когда же политиков только двое. Однако осмелюсь утверждать, что данный выбор обусловлен российской информационной войной, а значит и «переговоры» вести нужно с «бравыми солдатами дезинформационного полка». Более того, предвзято настроенным читателям стоит напомнить значение культуры в российском влиянии, ставя в пример Академический Ансамбль песни и пляски

Российской Армии имени А.В. Александрова как некий инструмент «soft power» в формировании положительного имиджа России.

«Зондируя» основную часть, можно заметить, что иронический стиль повествования при обсуждении особо абсурдных пропагандистских искривлений тогдашних реалий порой многолетнего срока давности располагает к дальнейшему прочтению. Печинский, разбавляя насыщенный коктейль фактов юмористическими нотками, смягчает для читателя восприятие суровой действительности. Это значительно облегчает умам обычных обывателей постижение сложных аспектов истории. Хотя и не скрою, что это затруднительный процесс, учитывая «прыганье по эпохам», подробное и порой хаотичное: от советских времен до Киевской Руси и Тевтонского ордена. Порой автор растекается мыслями по древу, однако, факты приводит к месту. С военной точностью, как в танце схватки, где каждый удар рассчитан, припоминает оплошности в высказываниях незримых оппонентов. Эдакий «храбрый и несущий в массы правду солдат исторического слога».

Только эрудированный человек сможет по достоинству оценить искусное балансирование Печинского на тонких гранях исторической справедливости, который остается при этом максимально приближенным к объективности.

Автор в одном предложении перевоплощается в представителя каждой из сторон конфликта и хоть умело объясняет их интенции, но не оправдывает. К примеру, восхищает талантливое воплощение Мачея Печинского в роль вражеского империалиста, когда он назвал от его лица – не много не мало – 11 обоснованных причин Советского вторжения в Польшу, при этом в своём сознании осуждая данное деянье.

Автор призывает соотечественников набраться смелости, чтобы критиковать ошибки национальной политики Второй Польской республики, ведь некогда под лаконичным соусом уничтожения символов русификации была

подана полонизация Хелмского края (Холмщина). Он подробно объясняет интенции польской власти.

Говоря о полонизации и католицизации, Печинский осуждает межвоенную денационализирующую стратегию Варшавы по отношению к украинцам, хоть и отрицает употребление слова «геноцид», объясняя обвинения украинцев идеологической мстью за использование этого термина поляками для Волынской трагедии, признанной «этнической чисткой с признаками геноцида».

Автор также выступает против использования термина «эктерминация» при описании операции «Висла», хотя и не употребляет слова «этноцид», заключающее в себе истину. Печинский не ставит операцию в один ряд с Холокостом, однако, честно признает – выражаясь просторечиво – откуда дует ветер, подразумевая лагерь, имеющий черты концлагеря в г. Явожно.

Но и в тезе «украинцы были в первую очередь жертвами советского тоталитаризма» прослеживаются нотки излюбленной автором «симметрии вины» до тошноты настойчиво пихаемой в анализ всех конфликтов. Автор преуменьшает ответственность, резюмируя, что польскому государству держать ответ лишь формально, ведь власть-то была навязана силой и *de iure* – марионеточная.

Печинский выказывает смекалку и стратегическую дальновидность, считая, что решительное осуждение депортации украинцев коммунистическими властями необходимо для налаживания отношений между Варшавой и Киевом, представляя принятое решение в 2017 году о не финансировании празднования годовщины депортации как уникальную, но упущенную властями возможность.

Отношение к «резне» в Сахрыне, Павлокоме и Пискоровицах в Польше неоднозначное, и хоть автор признает, что это пятно на репутации АК и даже ставит трагедии в пример антиукраинского шовинизма, однако не даёт и намека

на экстерминацию и не называет акции уничтожением украинского населения. Печинский утверждает, что преступление в Сахрыне не дает права называть Армию Крайовой «преступным формированием».

Описывая отношение к Волынской трагедии, автор анализирует высказывания по большей степени украинских националистов, представителей «Национального корпуса», «Свободы» и «Правого сектора». Даже с особым удовольствием уделяет внимание глубокому анализу программы партии «Правый сектор». Неоднозначные выводы напрашиваются сами собой. И можно было бы сказать, что интерес к этим партиям обусловлен тем, что все они ссылаются на идеологическое наследие ОУН-УПА, если бы в книге были упомянуты альтернативные персонажи.

Справедливо возмущает тот факт, что Печинский, не представил в работе украинское мнение представителей южной, восточной или даже центральной части страны. К слову, у населения данных территорий нет явных исторических обид на Польшу, но это не означает, что у них нет сформированного мнения о соседях. Кроме этого, в «украинской части» отсутствует мнение людей, не выказывающих ярых националистических взглядов или тех, кто всецело не заинтересован в политике, которым нечего делить с поляками.

Расценивать ли это как желание представлять украинцев цельной народной массой с сознанием националистов, которые имеют претензии к полякам как исторические, так и территориальные? Которые, восхваляя Бандеру и Шухевича, с их портретами на прикроватной тумбочке и на знаменах, ведут, маршируя стройными рядами Украину сегодня, как и почти 80 лет назад, к борьбе за независимость?

Печинский твердит, что бандиты и пособники встречаются в каждой нации, и являются больше исключением, чем значительной частью её представителей. Однако тогда не стоит говорить, что украинцы поголовно считают своим идейным наставником Бандеру, а также приуменьшают вину

украинцев в Волынской трагедии. Напрашивается вывод: было бы уместно обвинять отдельных людей, а не весь народ.

Всем известно, что поляки к Бандере не выказывают отношение, как к заурядной исторической фигуре, давно канувшей в Лету по вполне понятным причинам. На фоне этого, Печинский беспристрастно утверждает, что нынешнее использование символов, а также сам образ Бандеры в большинстве своём пропитан идеей борьбы с советской властью и Москвой, но никак не антиполонизмом или надругательством над скорбью польского народа.

С должным снисхождением он отмечает, что икона украинской поп-культуры в лице Бандеры – уже не историческая фигура, а олицетворение стойкости национального духа, который символизирует не убийства поляков, а борьбу за независимость.

Автор также отмечает разницу в сознании украинцев и поляков: в пантеоне украинских национальных героев до 2014 года преобладали писатели, такие как Шевченко и Леся Украинка, в то время как в польском пантеоне издавна верховенствовали исторические персоны. А причина кроется в присущей польскому народу "политизации истории и историзации политики". Автор, саркастически анализируя тотальное невежество В. Гадовского в критике названия группы «Эней», признает, что поляки концентрируются исключительно на преступных деяниях Украины, манкируя её культуру.

И, несмотря на то, то поляки не хотят уравнивать УПА и АК, Бандеру и Пилсудского, Печинский осторожно подходит к проведению параллели между последними, упоминая майский переворот как ложку дегтя в медовом образе польского национального героя, равно как и факт убийства националистами своих соотечественников за отказ в «резне» поляков, который часто замалчивается украинцами. Однако, конечно же, автор не ставит знака равенства по своей «теории симметрий».

Вызывают любопытство «логические» выводы автора о том, что историческая справедливость потребует новой попытки вернуть «потерянную родину» при благоприятных обстоятельствах под эгидой украинских националистов. Печинский упоминает земли к западу от линии Керзона, а также нарративы времён Майдана про то, что Перемышль – украинский. Витает в воздухе вопрос: а серьезно ли расценивает автор такую возможность, что Украина, раздираемая на куски Россией, неспособная сохранить даже свои границы, «почешет в задумчивости голову» и решит атаковать польские земли? И почему-то польские нарративы, о том, что Львов – исконно польский город не должен украинцев ни смущать, ни возмущать, ни заставлять опасаться вторжения.

Откровенно говоря, больше внимания уделено осуждающим украинским фильмам и высказываниям в подобном ключе, которые бередят старые раны. Сделана ли эта селекция умышленно, отстаивая, как можно заметить, болезненную для автора тезу отсутствия симметрии вины между нанесенным уроном для польской нации и пострадавшему от поляков украинскому народу? Однако автор справедливо признает, что в фильмах об УПА «плохие поляки» изображаются приблизительно так же, как и «плохие украинцы» в массовом сознании поляков – как бандиты, преследующие своих соседей на почве этнической ненависти.

А. Любка оказался более лояльным к фильму «Волянь», поэтому Печинский говорит о нем с куда большей симпатией, чем к резковатому Андруховичу. Любка делает акцент на то, что автор свободен в своем творческом представлении мира. Печинскому близка эта идея, но лишь касательно польских фильмов. Ведь В. Смажовскому можно использовать художественное видение, откровенно предвзятое к украинцам, для провозглашения своей версии правды, а вот фильм «Непокорённый», где вырвана из исторического полотна Волянская трагедия, с куда большим энтузиазмом осуждается автором. Автор в корне

игнорирует пометку «художественный фильм». Точно также критике подвергается «Железная сотня», ведь он основан на мемуарной книге Юрия Борца, даже при учёте, что фильм Смажовского опирается на «Ненависть» Станислава Сроковского.

Примечательно, что Печинский отмечает факт стереотипного виденья и основанного на предубеждении отношения Смажовского к украинцам. Упрямо смотрит сквозь пальцы на то, что у режиссёра в фильмах говорящие по-русски красноармейцы, непосредственно перед изнасилованием поют украинскую песню «Ніч яка місячна».

Присущ некий фактор предвзятости при анализе высказываний украинцев в вопросе символики УПА-ОУН или кинематографа волинской тематики, однако стоит принимать во внимание факт, что автор является поляком, который глубоко переживает драму собственного народа, и его позиция абсолютно оправдана.

Кремль виртуозно играет на струнах польско-украинского конфликта свою политическую мелодию, чтобы любыми способами убедить потомков жертв Волинской резни не сотрудничать с идейным кровожадным ульем апофеоза и идолопоклонничества Бандере в лице украинцев.

Безусловно, «Волинь» является инструментом информационной войны против Украины. И хоть нарратив еще не достиг апогея абсурда, но является кирпичом в фундаменте антиукраинской пропаганды в попытке обозлить поляков. Автор признаёт это. Однако на любые обвинения, что фильм Смажовского может быть финансирован с барского плеча Кремля, учитывая деталь, что в вопросе финансирования фильма «виток временной петли» совпадает с началом российской агрессии в Крыму и на Донбассе, Печинский парирует и объясняет всё украинскими параноидальными поисками следов московского «медведя» на «снегу фильмографии».

В книге упомянута умиротворяющая акция в Восточной Галиции 1930 года. Автор утверждает, что во время умиротворения не было произведено ни одного выстрела, и ни один украинец не был убит, но это не так. Более того, Лигой наций были подтверждены факты злоупотребления со стороны польских властей, о чём Печинский умалчивает и даже напротив – авторов документа «Хто такий Степан Бандера» обвиняет в показании жестокости поляков.

Значительная часть тематики «российского фрагмента» посвящена вопросу Смоленска, «Антикатыни» и Катинской трагедии. Стоит отметить освещение аспекта лицемерия выставки представляющей историю польско-российских отношений в XX веке в Катини. Под сенью «благостности и добродетели» намерений выставки скрывалось ни что иное как жажда доказать симметрию вины и приуменьшить весомость катынской трагедии посредством причинно-следственной связи. Проницательный автор ловко разоблачает эту манипуляцию.

Печинский утверждает, что историческая политика Кремля в отношениях с Польшей руководствуется теми же методами, что и историческая политика Киева, напрочь забывая указать разницу интенций: украинцы не хотят портить отношения с возможными союзниками против России в лице поляков, заботясь об интересах своей страны. Когда же Кремль – главный агрессор-кукловод, который дергает за веревочки в попытках играть на истории для удовлетворения своих империалистических целей.

В вопросе сноса памятников автор справедливо считает, что дело не в надругательстве над усопшими, а в культе УПА и неприятии бандеровской символики. Точно также, ситуация складывается и с памятниками Красной Армии, ведь политика декоммунизации предусматривает устранение символов оккупации. Грань лежит на лезвии интерпретации отдельного монумента: отдавание памяти павшим солдатам или же прославления того или иного военного акта. Печинский оправданно находит разницу между украинским и

российским подходами. Украинцы отдают дань Бандере на своей территории, без наглого требования почитать его в Польше, когда же Россия жаждет, чтобы поляки поклонялись Красной Армии на своей земле.

Несмотря на то, что белорусам посвящено не так много страниц этой книги, автор с гораздо большей симпатией пишет о них, чем о русских или украинцах. Даже с некой любовью и отеческим состраданием. Ведь некоторые поляки до сих пор считают белорусов «недоделанными» поляками.

В который раз, вспоминая пропорции исторической вины, словно при рецептуре снадобья, Печинский чувствует себя виноватым перед белорусами, что между строк читается в его тексте. В то время как его народ имеет моральное превосходство над «не кающимися преступниками», получив несоизмеримую обиду от русских и украинцев, то с белорусами чаша весов склоняется в сторону поляков, как виновников, а не виноватых. Автор безапелляционно осуждает марш «Проклятые солдаты» в Хайнувке и деятельность Ромуальда Райса «Бурого».

И, несмотря на это, «хорошие, добрые, всепрощающие» белорусы относятся к подполью Польши с гораздо большей признательностью и уважением, чем кто-либо из славян, и, не взирая на долю полонофобии, «Волынскую резню» не устраивали и поклоняться идолам Красной армии не заставляли. Кроме этого, автор восхищён, что белорусы всегда знали польскую культуру, музыку и литературу.

Сотрудничество с нацистской Германией в случае с белорусами снисходительно толкуется автором как выбор между большим и меньшим злом для их собственных национальных интересов. В отличие от представления сотрудничества украинских националистов с нацистами, где Печинским в определенном ключе игнорируется его причина и те же национальные интересы (то есть борьба за национальное освобождение).

Тезис о «польской оккупации» является общераспространенным в сознании украинцев и белорусов. По обыкновению глубоко разобщенные соседи, в этом вопросе как никогда едины, считая потерю Вильнюса, Гродно и Львова исторической справедливостью, что вызывает у Печинского праведное возмущение. Глумливо автор говорит, что украинцы «в брюссельских салонах изображают из себя постколониальных мучеников, народ, угнетаемый “польскими фашистами”». Звучит как минимум недоброжелательно.

Много посвящено образу агрессивной империалистической Польши, приправленному «Drang nach Osten». Автор метко подмечает причины, почему экспедиция Пилсудского в Киев рассматривается как вторжение в Россию и выражением польского империализма.

А поскольку из уст пропагандистов польские империалисты, готовясь к завоеванию Украины, забирают у украинцев всех национальных героев во главе с Матеушем Моравецким, атакующим героя Богдана Хмельницкого, Россия, как извечный борец за справедливость, и здесь вставит свой пятак для защиты «Малороссии» от агрессии «польских панов». Автор тонко подмечает, что обычно остро критикующие «фашистскую киевскую хунту» россияне, защищают ненавистных им украинцев, лишь когда это выгодно для удара по имиджу Польши. Ведь Москва целенаправленно делает Польшу неудобной с помощью конфликтов с соседями, извечных споров о симметрии вины или борьбы за территории, дабы за поляков не было желающих вступить.

Согласно русскому нарративу, описанному у Печинского, польские националисты спят и видят, как бы вернуть себе восточные окраины. Автором упомянуты графики, которые убеждают, что поляки нацелены присвоить Беларусь, главная угроза для которой – свержение правительства, чего белорусы должны бояться. Однако боится пока только параноидально мыслящий типичный представитель социологического типа *homo sovieticus* и по совместительству «последний диктатор Европы», которого на каждом углу

подстерегает переворот. Границы абсурда доходят своих вершин в высказываниях об угрозе со стороны Польши под предлогом необходимости защиты граждан с Картой Поляка (словно параллель с Донбассом провели).

Печинский смело заявляет, что так называемый «Русский мир» вкупе с президентской партией «Белая Русь» ведет антипольскую пропаганду в Беларуси, а также нанося клеймо «враг» заглавными буквами на лбы всем соседям кроме России, не забывая настаивать, что белорусы по сути своей и есть русские. Что любопытно, что по данным отчета Центра восточноевропейских исследований, 40% опрошенных белорусов считают большую близость к наследию Великого княжества Литовского, чем к Советскому Союзу (28%).

Автор последовательно разматывает «клубок обвинений» касательно Собибора: изверги-украинцы и кровожадные поляки убивали евреев, а последние ещё и выдали сбежавших на растерзание немцам. Поднятие этой темы Печинским очень важно в свете того, что, по словам российских пропагандистов, «фашизм сейчас поднимает голову» уже не в «бандеровской» Украине, а в «империалистской и антисемитской» Польше. Более того, немецкий нацизм проходит реинкарнацию в Варшаве, и автор с энтузиазмом анализирует сюрреалистичный российский нарратив политического talk-шоу «Особая статья».

«Польский фашизм» представлен в книге с двух сторон. Со стороны России базисом обвинений является Вторая мировая война. Печинский упоминает о представлении кремлевскими журналистами своего варианта событий Второй мировой войны, в которой Польша «спина к спине» с Гитлером убивает ненавистных евреев, проводит акты антисоветской агрессии, при этом она недостойный противник, не ровня СРСР, «словно гнусный маленький клоп» на фоне «злодея с немецким акцентом, которого можно уважать как соперника». Польша де-факто была не без греха: воспользовавшись катастрофой Чехословакии, прихватила Заолзье в Тешинской Силезии. И хоть автор не

признает соотечественников оккупантами, но гордо добавляет, что раздел Чехословакии прошел без единого выстрела, а значит это лучше советского вторжения в Польшу. Ещё и иронически взывает к пониманию россиян, проводя параллель с Крымом и Донбассом, ведь, по словам Печинского, в Заолзье проживало подавляющее большинство польского населения.

В умах Запада фашизм – это предательство европейских ценностей и отказ принимать иммигрантов. Следует заметить, что исходя из слов российских пропагандистов, Польша пытается «углубить раскол в Европейском Союзе» своим отказом их принимать. В любом случае тема иммигрантов с каждым днем набирает актуальность.

Дуальность и хождение по лезвию – так можно было описать мытарства между молотом и наковальней последнего диктатора Европы: и с Россией дружбу водить, и с Европой в «контры» не вступать. Пока «Батя» не начал вести гибридную войну по наставлению «белого и пушистого ученика Сталина, выполняющим действия в не менее белых перчатках».

Россия заинтересована, чтобы провоцировать напряженность между Германией и Польшей, рассорить последнюю с ЕС, а также вбить клин между Польшей и Украиной. Главной целью кремлевской пропаганды, тщательно описанной в книге Печинского, является разделение сознания людей, ведь Запад должен быть разобщен.

Гибридная война – это первая ступень перед полномасштабным вторжением, которое невозможно пока идёт война на востоке Украины. В книге упомянуты Дугинские геополитические предупреждения, где россиянин сардонически «grin like a Cheshire cat» с распростёртыми объятиями приглашает Польшу в «славянский дом великих народов», намекая на угрозу со стороны России.

Автор не пишет всерьёз об этом, поскольку в отличие от Украины, в Польше нет сильного пророссийского или русскоязычного меньшинства, которое могло бы быть основанием для «защиты». Однако он предполагает, что Кремль может

воспользоваться «простыми поляками», выступающими против декоммунизации, искусно выдавая горстку индивидуумов за притесняемую группу граждан гнетущей русофобской властью, а освободить её может лишь Путин с «ослепительно светящимся нимбом над головой».

В большинстве случаев Печинский беспристрастно смотрит на сложные аспекты общей истории славян, всеми силами стремясь к объективизации изложения своих мыслей. Автор умеет признавать ошибки своего народа и настойчиво требует ответного жеста от соседей.

Важность прочтения этой книги также стоит рассматривать в контексте декларации Люблинского треугольника (некая альтернатива «русскому миру»), в которой подчеркивается роль общего наследия Литвы, Украины и Польши. Кроме этого, исходя из опроса CBOS, около двух пятых поляков положительно отзываются о немцах и украинцах, 49% респондентов относится с симпатией к литовцам и 47% к белорусам, а каждый третий поляк симпатизирует россиянину. И это та статистика, которая побуждает черпать надежду на развитие воистину дружеских взаимоотношений между славянскими народами.

Невозможно отрицать, что человеческая натура, состоящая из субъективных суждений и личностного восприятия на молекулярном уровне, лишена объективности априори и ни на йоту не способна приблизиться к истинному объективизму. Грубо говоря, для человека его не существует в калейдоскопе оценочных суждений. И это абсолютно нормально и оправдано. Именно это доказывает автор своей книгой, ведь каждый славянский народ «пишет кириллицей» сквозь призмы берущих ран и незабытых страниц истории.

Книга Печинского создана не с целью оправдать преступления народов, а лишь понять причины поступков и «не подглядывать за соседом через щель в стене, с другой стороны которой висит картина и застилает обзор», а честно оценить собранный за годы пазл.